

Подстрозник

Подстрочник

Жизнь Лилианны Лунгиной,
рассказанная ею в фильме
Олега Дормана

издательство **аст**
МОСКВА

Олег Дорман

Предисловие

Эта книга представляет собой запись устного рассказа Лилианны Зиновьевны Лунгиной о своей жизни, сделанную по многосерийному документальному фильму “Подстрочник”. Я внес самую незначительную правку, обычную при публикации стенограмм, и добавил те части рассказа, которые не смогли по разным причинам войти в фильм, так что книга стала больше почти на треть.

Лилианна Лунгина (1920–1998) — прославленная литературная переводчица, в ее переводах русские читатели узнали “Мальша и Карлсона” и “Пеппи Длинныйчулок”, романы Гамсуна, Стриндберга, Фриша, Бёлля, Энде, Колетт, Дюма, Сименона, Виана, Гари. Она переводила пьесы Шиллера, Гауптмана, Ибсена, сказки Гофмана и Андерсена.

В самом начале девяностых годов во Франции вышла книга воспоминаний Лилианны Лунгиной “Les saisons de Moscou” (“Московские сезоны”): она стала бестселлером и, по опросу, традиционно проводимому журналом “Elle”, была названа французскими читателями лучшей документальной книгой года. Однако выпускать свою книгу в России Лунгина решительно не захотела. Она считала, что для соотечественников следует написать ее иначе, заново, с первой до последней строки. Со своими, объясняла она, можно и нужно говорить о том, чего не поймут посторонние.

И однажды согласилась предпринять этот труд перед телекамерой. Думаю, французская книга стала просто черновиком ее многодневного рассказа. В феврале девяносто седьмого года на протяжении недели мы с оператором Вадимом Ивановичем Юсовым и небольшой съемочной группой каждое утро приезжали в дом Лунгиных на Новинском бульваре, чтобы услышать и снять устный роман, который должен был потом превратиться в фильм “Подстрочник”.

ОЛЕГ ДОРМАН

Долгая жизнь Лилианны Лунгиной прошла через разные страны и удивительно глубоко и ясно выразила двадцатый век. Век, который подтвердил, что нет жизни всех — есть жизнь одного человека. Что только один в поле и воин; что он сам и поле. Что человек — не игрушка обстоятельств, не жертва жизни, а неиссякаемый и потому неуязвимый источник добра.

Мало кому на свете достается счастье встретить таких людей, какими были Лилианна Зиновьевна и ее муж, знаменитый драматург Семен Львович Лунгин. А ведь, вероятно, другие люди — самое важное в нашей жизни. По другим людям мы судим о жизни, о том, чем способен быть человек, какой может быть любовь, верность, храбрость и правда ли то, что пишут в книжках.

Мне посчастливилось знать и любить их. Для меня честь представить эту книгу вам.

Слова благодарности

Хочу выразить признательность за неоценимую помощь в работе над книгой:

семье Лунгиных, Людмиле Голубкиной, Борису и Марине Золотухиным, Наталье Мавлевич, Инне Туманян, Роману Рудницкому, Марку Аронову, Феликсу Дектору, Ирине Мартыновой, Арине Истратовой, Ксении Старосельской, Анатолию Черняеву, Льву Безыменскому, семье Линдгрэн, Жан-Пьеру Вернану, Кристин Лютц, Ляле, Нате и Зине Минор, Анне Гришиной, Нине Рубашовой, Георгию Кнабе, Беатрисе Олькиной, Наталье Мусиенко, Татьяне Соловьевой, Варе и Кириллу Арбузовым, Исаю Кузнецову, Инне Барсовой, Алле Черновой, Юлиане Ильзен, Ноэми Гребневой, Евгению Аграновичу, Елене Ржевской, Галине Медведевой, Александру Кауфману, Александру и Галине Брагинским, Дмитрию Гутову, Ирине Сиротинской, Флоре Литвиновой, Галине и Владимиру Новохатко, Алле и Игорю Золотовым, Борису Левинсону, Наталье Цой, Юлии Ароновой, Дмитрию Шеварову, Юлию Лурье, Андрею Хржановскому, Маргарите Шабуровой, Марии Бубновой, Дмитрию и Максиму Голландам, Фрее фон Саун, Геннадии Фадееву, Светлане Новиковой, Рэне Яловецкой, Анне и Ивану Кузиным.

Посольству Франции в России и лично Кристин Вержеад, Игорю Сокологорскому и Дарье Аполлоновой;
посольству Германии в России и лично Забине Хофманн;

ЛИЛИАННА ЛУНГИНА

посольству Швеции в России и лично Марианне Хультберг, Кристине Йоханнесон, Марии Веденяпиной;
лицею Виктора Дюрюи в Париже;
мэрии Сен-Жан-де-Люза.

Полтавскому краеведческому музею и лично Людмиле Николаенко;
Краеведческому музею Набережных Челнов и лично Зульфигере и Мансуру Сафиним, а также Леониду Горбунову;
Мосгорархиву и лично Лидии Наумовой;
Международному обществу “Мемориал” и лично Алене Козловой и Александру Даниэлю;
Музею и общественному центру имени А.Сахарова и лично Татьяне Громовой и Петеру Рэддвэю;
Дому-музею Марины Цветаевой и лично Надежде Катаевой-Лыткиной, Наталье Громовой и Эсфирь Красовской;
московской школе № 204 имени М.Горького и лично Галине Клименко;
издательству “Азбука” и лично Денису Веселову;
Российской государственной библиотеке и лично Ивану Сербину;
газете “Известия” и лично Людмиле Комлевой и Борису Пастернаку;
друзьям и ученикам Лилианны и Семена Лунгиных;
Варе Горностаевой, Сергею Пархоменко, Григорию Чхартишвили, Леониду Парфенову, Сергею Шумакову, без энтузиазма и помощи которых фильм “Подстрочник” не был бы показан в эфире, а также Людмиле и Инне Бирчанским и Екатерине Дорман.

Олег Дорман

Подстрочник

Меня зовут Лиля Лунгина. С пяти до десяти лет, когда я жила в Германии, меня звали Лили Маркович. Потом с десяти до четырнадцати лет во Франции меня звали Лили Маркови́ч. А когда я играла в мамином кукольном театре, меня звали Лили́ Имали́. Имали — это мамин псевдоним, древнееврейское слово, которое значит “моя мама”. Вот столько у меня было разных имен. И столько же было разных школ. Я училась, подсчитала как-то, в двенадцати школах. Но вот за эту долгую жизнь — мне шестнадцатого июня (девяносто седьмого года. — *О.Д.*) будет семьдесят семь лет, даже подумать страшно, никогда не думала, что можно дожить до такого возраста, — я так и не научилась называть себя по имени-отчеству. Это, наверное, черта нашего поколения, мы как-то очень долго ощущали себя юными, и всё по именам, всё на “ты”.

Но тем не менее семьдесят семь лет — это очень много, и пора подводить итоги. И не предварительные итоги, как назвал мой муж Сима¹ последнюю часть своей книж-

1 Семен Львович Лунгин (1920–1996), драматург. Автор сценариев “Мичман Панин”, “Тучи на Борском”, “Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен”, “Внимание, черепаха!”, “Телеграмма”, “Жил певчий дрозд”, “Агония” (все — в соавторстве с И.Нусиновым), “Мальчик и лось”, “Розыгрыш”, “Трое в

ки “Виденное наяву”, а уже окончательные итоги. Но, с другой стороны, какие итоги можно подвести какой-то деятельности, какому-то призванию? Какие итоги можно подвести жизни? Я думаю, итоги жизни — это есть сама жизнь. Вся сумма прожитых счастливых, и трудных, и несчастных, и ярких, и блеклых мгновений, вся совокупность минут, часов, дней, сама, так сказать, эссенция жизни — это и есть итоги жизни, ничего другого итогом жизни быть не может. Поэтому мне сейчас хочется вспоминать. И тянет посмотреть старые фотографии.

Очень хорошо помню минуту, когда впервые поняла, что я есть я, то есть что я отделена от прочего мира.

У меня есть фотография, где я сижу у папы на коленях, — вот на ней как раз и запечатлен этот момент. Я очень любила папу, он меня очень баловал, и до этой минуты я ощущала слитность с ним и со всем миром, а тут вдруг как бы противопоставила себя и папе, и всему, что было вокруг. Думаю, это было осознание себя как индивидуальности, как личности. До этой минуты я росла, как была, так сказать, запрограммирована генной программой, тем, что в меня было вложено от рождения. А вот с этой минуты, как только я осознала себя противостоящей этому миру, он стал воздействовать на меня. И то, что во мне было заложено, постепенно начало подвергаться изменениям, обработке, шлифовке — воздействиям внешнего мира, той большой жизни, которая была вокруг меня. Иначе говоря, мой опыт, то, что я переживала, те ситуации, в которые я попадала, тот выбор, который я делала, те отношения, в которые я вступала с людьми, — во всем

лодке, не считая собаки”, “Я — актриса”, “Дом с привидениями” и др. Автор пьес “Моя фирма”, “Гусиное перо”, “Семья Бахметьевых”, “История одного покушения”, “Пеппи Длинныйчулок” (все — в соавторстве с И.Нусиновым).
(Здесь и далее — прим. О. Дормана.)

этом все более и более ощутимо присутствовал мир, который бушевал вокруг меня. Поэтому я подумала, что, рассказывая свою жизнь, рассказываю не о себе, не столько о себе... Потому что мне казалось диким предложение — с чего это я буду вдруг говорить о себе? Я не считаю себя, например, умнее других... и вообще не понимаю, почему должна говорить о себе. Но вот о себе как о некоем организме, который вобрал в себя, абсорбировал элементы внешней жизни, сложной, очень противоречивой жизни этого мира вокруг, — может быть, стоит попытаться. Ведь тогда получается опыт той, большой жизни, пропущенной через себя, то есть что-то объективное. И как объективное — может быть, что-то ценное.

Мне вообще думается, что сейчас, к концу века, когда идет такой страшный разброд умов и когда наша страна тоже не совсем понятно куда катится, — есть ощущение, что она катится в какую-то бездну, все убыстряя темп, — может быть, действительно важно и ценно сохранить как можно больше осколков жизни, которую мы прожили, — двадцатого века и даже, через родителей, девятнадцатого. Может быть, чем больше людей будет свидетельствовать об этом опыте, тем больше удастся из него сохранить, и в конце концов получится сложить из этих осколков более-менее целостную картину какой-то все-таки гуманной жизни, жизни с человеческим лицом, как теперь любят говорить. И это что-то даст, как-нибудь поможет двадцать первому веку. Я, конечно, имею в виду всю совокупность таких свидетельств, и моя здесь не капля, а сотая доля капли. Но вот возникло желание участвовать в этой капле хоть как-нибудь. И в таком виде я могу предпринять попытку немножко рассказать о себе, о том, что я прожила и как прожила.

Если говорят (во всяком случае, я так думаю), что художественное произведение, книга, фильм, должны нести

ЛИЛИАННА ЛУНГИНА

какой-то “мессаж”, какое-то послание людям, — и, наверное, каждое такое свидетельство тоже должно нести какое-то послание, — то мой “мессаж” я хочу сформулировать сразу. Больше всего мне хотелось бы передать, что нужно надеяться и верить в то, что даже очень плохие ситуации могут неожиданно обернуться совсем другой стороной и привести к хорошему. Я покажу, как в моей, а потом в нашей с Симой жизни многие беды оборачивались невероятным, удивительным счастьем, богатством, — я буду стараться подчеркивать это, чтобы сказать, что не надо отчаиваться. Потому что я знаю, сейчас очень много отчаяния живет в душах людей. Так вот, надо верить, надеяться, и постепенно многое может оказаться с другим знаком.

1

Вообще, как общее соображение — и мне его приходится высказать, потому что я это испытала на себе, — интерес к родителям просыпается поздно. Сперва идет отталкивание от родителей, утверждение своей личности и желание жить собственной, огражденной, самостоятельной жизнью. И такая увлеченность этой своей жизнью, что до родителей и дела толком нет. То есть их любишь, естественно, но они как бы не являются моментом жизни твоей души. А вот с годами все больше пробуждается интерес к каким-то истокам и хочется понять, откуда все идет, узнать, что делали родители, где и что делали дед и бабушка и так далее, и так далее. Это приходит с годами. Это я вижу и на своих детях, в которых постепенно, уже в зрелом возрасте, начинает слегка пробиваться интерес к папе и к маме, — к папе, которого уже нет... Но я и сама прошла такой путь, только уже в юности маму стала всерьез расспрашивать. Поэтому почти все, что я сейчас расскажу о дедушке и бабушке, — это не мои воспоминания, а воспоминания о рассказах других людей.

Мама и папа — из Полтавы, оба. Я всегда хотела туда попасть, много раз просила свою тетку, мамину двоюродную сестру, жену знаменитого академика Фрумкина,